УДК 316.44:94 (571.5) DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-82-86

САНДАНОВ Юрий Борисович
Бурятский государственный университет
г. Улан-Удэ, Россия
sanny1959@mail.ru

Yury B. SANDANOV
Buryat State University
Ulan-Ude, Russia
sanny1959@mail.ru

ИМУЩЕСТВЕННАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

PROPERTY AND SOCIAL DIFFERENTIATION OF TRANSBAIKAL PEASANTRY IN LATTER HALF OF THE XIXth – EARLY XXth CENTURIES

Статья посвящена одной из важнейших проблем аграрной истории региона периода капитализма – выявлению уровня материального, социального расслоения забайкальского крестьянства. Основная цель статьи – показать уровень классового расслоения сельского населения Забайкальской области. Интерес к данной проблеме оправдан тем, что в регионе в силу отсутствия крепостного права и по причине высокой численности коренного населения процесс разложения крестьянства имел ряд особенностей. Вследствие этого вопрос о разложении сибирского крестьянства историками окончательно не решен и до сих пор остается дискуссионным. В статье на основе широкого круга источников, опубликованной литературы точно и убедительно показан процесс образования в сельской местности новых социальных групп – сельской буржуазии и сельского пролетариата. Значительный интерес представляют материалы о сдаче земли в аренду и об уходе части крестьян на отхожие заработки, также определены причины, ускорявшие эти процессы. Большой интерес представляют сведения о влиянии на хозяйство крестьян Забайкальской области и экономику региона в целом проведения Транссибирской железнодорожной магистрали. В статье даны выводы относительно уровня разложения не только русского и бурятского крестьянства, но и показан уровень классового расслоения Забайкальского казачества. Новизна статьи заключается в привлекаемом архивном материале, часть которого вводится в научный оборот впервые.

The article focuses on one of the major issues of regional agrarian history for the capitalist period – the period of material and social stratification of Transbaikal peasantry. The paper aims at analyzing the degree of class divisions among rural population of Transbaikal region. The absence of serfdom in the region and abundance of indigenous population resulted in a peculiar process of peasants' disintegration are a key area of interest. Thereby the issue of Siberian peasants' disintegration is not dealt by historians conclusively and still under debate. By addressing broad-ranging resources and published literature, the author accurately and conclusively shows the process of forming new social groups in the countryside – rural bourgeoisie (middle class) and rural proletariat. The materials concerning land lease, peasants' seasonal work and the reasons for pushing these processes are of great interest. The information about the influence of Trans-Siberian railway on farm business in Transbaikalia and the entire regional economy is of great concern. The author concludes about the degree of Russian and Buryat peasants' disintegration and the degree of Cossacks' class stratification in Transbaikal region. The article's novelty aims at addressing the archival material some parts of which are firstly introduced for scientific use.

Ключевые слова: Забайкальская область, сельское хозяйство, социально-классовое расслоение, сельская буржуазия, сельский пролетариат, рынок сбыта, рынок наемной рабочей силы, аренда земли, ярмарка, переселенцы, ссылка, казачество

Keywords: Transbaikal region, agriculture, social and class stratification, rural bourgeoisie (middle class), rural proletariat, market outlets, market of hired agricultural labor forces, land lease, trade fair, migrants, exile, Cossacks

Во второй половине XIX – начале XX в. сельское хозяйство было основным видом занятости сельского населения Забайкальской области. Большую часть населения как в Забайкалье, так и в Сибири и России в целом составляли крестьяне. Поэтому естественно, что аграрная история всегда привлекала пристальное внимание исследователей. В целом, исторической литературы, посвященной сельскому хозяйству Забайкалья этого периода, достаточно много, и проблема освещена неплохо. Хотелось бы выделить работы И.А. Асалханова и В.Г. Тюкавкина [1]. Вместе с тем некоторые проблемы до сих пор исследованы недостаточно, по ряду вопросов отсутствуют монографические работы. К кругу таких вопросов необходимо отнести проблему социально-классового разложения крестьянства Бурятии в период капитализма. Вопрос о расслоении крестьянства ставился и признавался еще в дооктябрьский период, например в работах А.А. Кауфмана, А.П. Щапова, В.Н. Соколова [2]. Крупнейшим исследователем, теоретиком по вопросам классового расслоения в России был В.И. Ленин [3]. Однако наиболее полно эта тема была исследована в советский период. Вопрос о расслоении крестьянства Бурятии рассмотрен в работах Н.П. Егунова, Б.Б. Батуева, А.М. Дамешека, В.И. Дулова и др. [4]. Задача данной статьи – показать степень социально-классового расслоения в среде русских и бурятских крестьян, глубину проникновения и степень распространения капиталистических отношений в Забайкальской области в указанный период.

В это время, на рубеже двух веков, Сибирь превращается в один из быстро развивающихся сельскохозяйственных районов страны. Быстрое развитие земледелия и скотоводства сопровождается, а во многом и обусловливается постоянно усиливающимся процессом социально-классового расслоения. Процессу расслоения сельского населения области способствовал целый ряд причин: развитие в крае промышленного производства, отсутствие помещичьего

землевладения, проведение железной дороги, расширение рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, переселенческая политика правительства и т.д.

Степень расслоения крестьянства в Восточной Сибири была ниже, чем в Западной Сибири, но и в Забайкалье этот процесс, особенно в начале XX в., достиг значительной глубины. Так, в конце XIX в. бедняки составляли в Забайкалье 47,2%, середняки – 33,5% и кулаки – 19,3% [5, с. 112]. Капиталистические отношения развивались в хозяйствах как русских крестьян и казаков, так и бурят. Так, например, в 1884 г., по данным Тункинской Степной думы, 46,8% бурят от общего количества населения относились к беднейшей группе, имея в своем распоряжении всего 15,5% лошадей, 18,8% крупного рогатого скота и 19,3% овец и коз; при этом домохозяева из зажиточной группы имели в своих хозяйствах 34,7% лошадей, 22,6% КРС и составляли 8,6% от общего количества населения, то есть всего 5,2 % от всех дворов [6, л. 5-17].

В этот период в области существовал достаточно развитый рынок наемной рабочей силы. Основными источниками ее формирования были в первую очередь такие факторы, как разложение крестьянства и приток переселенцев из европейской России. Кроме того, специфическим источником пополнения рынка рабочей силы в Сибири служила ссылка. Необходимо отметить, что в целом предложение рабочей силы превышало спрос на нее. Многие из наемных рабочих отрабатывали денежные, хлебные и иные долги, и поэтому оплата их труда была значительно ниже, чем у рабочих при вольном найме. Цены на рабочие руки в Забайкалье были различными и зависели от возраста, пола, сезона, срока найма и от того, имел ли работник свой рабочий скот, жил ли работник на «своих харчах» или на «хозяйских харчах» и т.д. Например, взрослый работник со своей лошадью и на «своих харчах» в месяц получал до 65 руб., а подросток без лошади и на «хозяйских харчах» получал всего 6 руб. в месяц [7, л.96-98].

Начиная с середины XIX в. в Забайкальской области широкое распространение получает уход бедняков и батраков на отхожие заработки. Многие крестьяне, которые не могли прокормить свои семьи за счет сельского хозяйства, уходили на золотые прииски, на строительство железной дороги и другие отхожие заработки, пополняя ряды промышленного и строительного пролетариата. Развитие промышленности в регионе, особенно развитие золотодобывающей отрасли, активно способствовало разложению крестьянства. В архивах Бурятии и Читинской области сохранились многочисленные документы о выдаче увольнительных билетов крестьянам, которые убывали на отхожие заработки, в основном на золотые прииски.

Наличие классового расслоения не только среди русских крестьян, но и среди инородческого населения признавали и официальные правительственные учреждения. Например, в 1908 г. областным статистическим комитетом было проведено обследование бурят Агинской степи; по их данным, число полностью разорившихся хозяйств или стоящих на грани разорения составляло не менее 20% от всех наличных хозяйств, а число хозяйств, обеспеченных скотом, – около 60% [8, с. 49].

О социальной и имущественной дифференциации сельского хозяйства свидетельствует и неравномерность в распределении пашни. Материалы и цифры, содержащиеся в исследованиях, посвященных аграрной истории области, подтверждают наличие глубокого разложения в крестьянской среде. Например, в 27 селениях Тарбагатайской и Мухоршибирской волостей беднейшая группа составляла 53,6% всех дворов, имея в своем распоряжении всего 16,2% пашни; середняки – 35,4% дворов, имея 37,8% пашни, а зажиточные крестьяне – 21%, владея 46% пашни [9, с. 211].

Аналогичную картину мы видим и в Западном и Восточном Забайкалье, и среди земледельцев, и в среде скотоводов. Анализ распределения пашни, рабочего скота, общего количества скота подтверждает наличие значительного разложения сельского населения области – как среди русского, так и среди бурятского. Зажиточное крестьянство, сосредоточивая в своих руках значительные материальные ценности, было одновременно и основным поставщиком сельскохозяйственной продукции на рынки Забайкалья. Так, зажиточные крестьяне Ключевского селения в течение года продали 5 820 пудов хлеба, середняки – 1 950 пудов, а бедняки – всего 455 пудов [10, с. 211]. Если перевести абсолютные цифры в проценты, то получится, что зажиточные крестьяне продали 70,8% хлеба, середняки – 23,7%, а бедняки – всего 5,5%. Эти цифры достаточно красноречивы, причем они показательны для всей Бурятии.

Многие зажиточные крестьяне занимались не только торговлей и различными подрядами, но и открывали собственные промышленные предприятия. Так, крестьянин Куйтунской слободы Верхнеудинского уезда С. Борисов в 1886 г. заключил контракт с одной золотопромышленной компанией на поставку продуктов сельского хозяйства на общую сумму в 37 525 руб., а крестьянин Тимофей Плотников открыл в г. Троицкосавске кишечный завод [11, л. 2]. Примером крупного фермерского хозяйства в конце XIX в. может служить скотоводческое хозяйство казака О. Шестакова, жителя поселка 2-й Чинданской станции. Он имел в своем хозяйстве 22 087 голов скота, в том числе 3 864 лошади, 640 голов крупного рогатого скота и 17 тысяч овец, кроме это-

го в его хозяйстве было 3 сенокосилки и 4 конных граблей, он нанимал 34 годовых и 13 сроковых работников [12, с. 240].

Хотя число таких крупных хозяйств в крестьянской среде во 2-й половине XIX в. еще невелико, однако оно постоянно растет. Например, крестьянин Урлукской волости Верхнеудинского округа Т. Яковлев имел более 5 000 голов скота, ежегодно засевал более 50 десятин пашни и одновременно являлся купцом 3-й гильдии, инородец Агинского ведомства С. Зодбоев имел более 2 тыс. голов скота, а брат уже упоминавшегося Шестакова имел более 12 тыс. голов скота [13, л. 263].

Не обошел стороной процесс социально-классового расслоения и Забайкальское казачество. Зажиточная часть казаков Забайкалья, проживавших в земледельческой зоне, сосредоточила в своих руках основные земельные угодья, в то время как беднота была вынуждена сдавать свою землю в аренду и наниматься в работники. То же самое происходило и среди казаков, проживавших в скотоводческой зоне, где основное поголовье скота было сосредоточено в руках состоятельных домохозяев. В целом же, по подсчетам И.А. Асалханова, доля беднейшего казачества составляла 43,3% от общего количества населения [14, с. 181].

Сельская беднота, не имея возможности кормиться своим хозяйством, вынуждена была пополнять рынок рабочей силы, наниматься в батраки. Широко практиковалась в Забайкалье сдача своей земли в аренду, уход на заработки за пределы своих селений. Например, в 1880 г. 53 бурята Селенгинского ведомства нанялись на Бощевский винокуренный завод в Нерчинском округе для выполнения плотницких и столярных работ, а в 1897 г. в пределах поселка Цасучей 1-й Чинданской станицы Акишнского округа находилось в работниках 73 человека, выходца из различных родов Агинского ведомства [15, л. 2].

Многие бедняки, разорившись, покидали родные деревни. Такие крестьяне во время подворных переписей числились в категории постоянно отсутствующих семей.

Значительной глубины процесс социально-классового разложения достиг и среди бурятского населения Забайкальской области. Основными причинами, способствовавшими распространению этого процесса, являлись расширение рынков сбыта продукции скотоводства, развитие перерабатывающей промышленности, усиление рыночных, товарно-денежных отношений и т.д. Так, в 1897 г. в области было 59 кожевенных предприятий, 36 свечно-сальных и мыловаренных, 3 шорных, 2 шубных и 1 стеариновое предприятие, то есть по сравнению с 1880 г. количество перерабатывающих предприятий почти удвоилось [16, л.610]. А в 1917 г. только на кожевенных и шорных предприятиях трудилось 672 человека [17, л. 70-71]. Бурятское хозяйство все глубже втягивалось в товарно-денежные отношения, вследствие этого возрастала товарная направленность хозяйств, усиливалась товаризация скотоводства. Так, в 1889 г. буряты Селенгинского ведомства при общей численности скота в 190 145 голов поставляли на рынок ежегодно более 18 тыс. голов, или около 10% всего поголовья [18, л. 136-137]. В начале XX в. товарная направленность бурятского хозяйства еще более возросла, причем это было характерно для всего бурятского населения Забайкальской области.

Наиболее крупными поставщиками продукции скотоводства на рынки были состоятельные буряты, которые вели крупное скотоводческое хозяйство. Так, например, бурят Хабагуев имел 4 дома и 6 юрт, 200 голов лошадей, 490 голов крупного рогатого скота, 655 овец и коз, нанимал 7 годовых работников; другой бурят Н. Очиров имел более 800 лошадей, 695 коров и 259 голов другого скота, нанимал 18 работников в год [19, с. 296]. Не менее богаты скотом были и тайши других бурятских родов. Иногда богатые скотовладельцы продавали от 30 до 50 % всего поголовья быков и яковых коров. Некоторые буряты, разбогатев, начинали заниматься торговлей, становились гильдейскими купцами. Так, бурят Агинского ведомства Манзанов ездил торговать в Монголию на 15 верблюдах, другой бурят Дондоков возил в Монголию товаров на 2 тыс. руб., а также серебряных монет на 5 тыс. рублей и т.д. [20, л. 57-67]. Хотя в основном буряты торговали на внутреннем рынке: Верхнеудинской, Агинской, Хоринской, Чертовскинской ярмарках и т.д. О размахе внутренней торговли в Забайкальской области в 1906 г. свидетельствуют следующие цифры: только в четырех округах – Баргузинском, Верхнеудинском, Троицкосавском и Селенгинском – было 1 414 торговых и 146 промышленных предприятия с общим оборотом в 16 525 668 руб. в год [21, л.7]. Кроме того, большое количество состоятельных домохозяев занимались извозным промыслом, который также приносил дополнительную прибыль.

С другой стороны, на противоположном полюсе бурятского общества продолжается рост беднейших хозяйств. По подсчетам разных исследователей, процент бедноты в бурятских ведомствах составлял около 2,5%, так же, как и русские крестьяне, обедневшие буряты практиковали уход на золотые прииски, строительные работы и другие отхожие заработки, но подавляющее большинство разорившихся или стоящих на грани разорения оставались на местах. Эта часть крестьян, чтобы свести концы с концами, нанималась в работники к своим односельчанам или занималась домашними промыслами и кустарными ремеслами. Другая часть нанималась

пастухами к зажиточным крестьянам из русских деревень, причем пасли их скот на своих землях, то есть на землях, закрепленных за ведомством. Так, например, крестьянин Мухоршибирской волости Верхнеудинского уезда В. Гусляков отдавал для пастьбы на лето буряту С. Сокто-еву 10 лошадей, 11 коров и 40 овец за 14 руб.; буряту С. Монхонову – 14 лошадей, 11 коров и 30 овец за 18 руб.; ему же другие крестьяне отдавали 25 лошадей, 25 коров и 55 овец за 31 рубль [22, л. 138]. Всего по всему Верхнеудинскому округу русские крестьяне платили бурятам-пастухам за выпас скота: 1 647 руб. – крестьяне Куналейской волости, 2 506 руб. – крестьяне Мухоршибирской волости, 1 405 руб. – Никольской волости, 937 руб. –Кульской волости, 254 руб. – Ключевской волости, 675 руб. – Тарбагатайской волости, или всего 7 424 рубля [23, л. 524-523]. Кроме этого, буряты-бедняки сдавали в аренду свои пашни и сенокосные угодья своим односельчанам и русским крестьянам.

Таким образом, в конце XIX в. процесс социально-классового расслоения сельского населения Забайкальской области достиг значительной глубины. Этот процесс одинаково быстро происходил и в среде земледельцев, и в среде скотоводов. В начале XX в. эти тенденции получили дальнейшее развитие. Расслоению забайкальского населения способствовали рост промышленных предприятий, внутренней торговли, отсутствие крепостного права и помещичьего землевладения, строительство железной дороги, укрепление рыночных, товарно-денежных отношений, переселенческая политика правительства и т.д.

С одной стороны, происходит обнищание части населения: домохозяева сдают пашни и луга в аренду, нанимаются в работники, пополняя тем самым рынок наемной рабочей силы. С другой стороны, идет концентрация капитала в руках у зажиточной части населения. Они нанимают работников, арендуют земельные угодья, занимаются торговым делом и ростовщичеством, открывают небольшие предприятия по обработке продуктов сельского хозяйства, занимаются извозным промыслом и т.д.

Процесс социального и имущественного расслоения достигает значительной глубины и в бурятском обществе, которое в рассматриваемый период все больше втягивается в рыночные, товарно-денежные отношения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во II половине XIX века. – Улан-Удэ, 1963. – С. 415; Он же. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX века. – Новосибирск, 1975. – С. 370; Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск, 1966. – С. 435.
2. Кауфман А.А. Община. Переселение. Статистика. – СПб., 1915. – С. 211; Щапов А.П. Сельская оседло-инородческая и русско-крестьянская община. – Иркутск, 1937. – С. 98; Соколов В.Н. Забайкальское хозяйство и рынок (Проект распределения Забайкальской области на экономические районы) – Чита, 1918. – С. 240.
3. Ленин В.И. ПСС. – Т.3. Развитие капитализма в России.
4. Егунов Н.П. Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. – Улан-Удэ, 1963. – С. 270: Егунов Н.П. Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии. – Улан-Удэ, 1970. – С. 254: Батуев Б.Б. Борьба за власть Советов в Бурятии. – Улан-Удэ, 1977. – С. 318; Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. – Иркутск, 1983. – С. 410; Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. – Иркутск, 1956. – С. 217.
5. Горюшкин JI.M. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). – Новосибирск, 1976. – С. 371.
6. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф.171. Оп.1. Д.181.
7. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.19. Оп.1. Д.292.
8. Труды Агинской экспедиции. – Чита, 1911. – С. 363.
9. Асалханов И.А. Там же.
10. 10.Там же. – С. 211.
11. ГАЗК. Ф.1. Оп.3. Д.43.
12. 12.Тюкавкин В.Г. Там же
13. ГАЗК. Ф.19. Оп.1. Д.384.
14. Асалханов И.А. Там же.
15. НАРБ. Ф.2. Оп.1. Д.878.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1236. Оп.2. Д.5392.
17. ГАЗК. Ф.184. Оп.1. Д.3.
18. НАРБ. Ф.2. Оп.1. Д.2/1721.
19. Асалханов И.А. Там же.
20. НАРБ. Ф.129. Оп.1. Д.2204.
21. ГАЗК. Ф.19. Оп.1. Д.99.
22. РГИА. Ф.337. Оп.1. Д.6138, л.
23. РГИА. Ф.337. Оп.1. Д.6138.

REFERENCES

1. AlsahanovI.A. Sotsial'no-ekonomicheskoerazvitieYugo-Vostochnoi Sibiri vo II polovine XIX veka. [Social and economic development of the south-eastern Siberia in the latter half of the XIXth century.]. Ulan-Ude, 1963. P.415; Ibid. Sel'skoe khozayistvo Sibiri kontsa XIX – nachala XX veka. [The Siberian agriculture in the late XIXth century – early XXth centu-

ry.]. Novosibirsk, 1975, P. 370; Tyukavkin V.G. Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya [Siberian countryside on the threshold of the October Revolution.]. Irkutsk, 1966, P. 435.
2. Kaufman A.A. Obshchina. Pereselenie. Statistika. [Community. Resettlement. Statistics.]. Saint Petersburg, 1915, p.211; Shchapov A.P. Sel'skayaosedlo-inorodcheskayairussko-krest'yanskayaobshchina. [The rural settled non-Russian and Russian peasant communities.]. Irkutsk, 1973, P.98; Sokolov V.N. Zabaikal'skoekhozyaistvoirynok (ProektraspredeleniyaZabaikal'skoioblastinaekonomicheskieraiony). [Economy and the market of the Transbaikal region (The project of division the Transbaikal region into the economic zones).]. Chita, 1918, p.240
3. Lenin V.I. Polnoesobraniesochinenii. Razvitiekapitalizma v Rossii. [The complete set of works. The capitalist development in Russia.]
4. Egunov N.P. Kolonial'nayapolitikatsarizmaipervyietapnatsional'nogodvizheniya v Buryatii v epokhuimperializma. [The tsarist colonial policy and the first stage of the national movement in Buryatia during the period of imperialism.]. Ulan-Ude, 1963, P. 270; Egunov N.P. Pervayarusskayarevolyutsiyaivtoroietapnatsional'nogodvizheniya v Buryatii. [The first Russian revolution and the second stage of the national movement in Buryatia.]. Ulan-Ude, 1970, P. 254; Batuev B.B. Bor'bazavlast' Sovetov v Buryatii. [The struggle for the Soviet regimen in Buryatia.]. Ulan-Ude, 1977, P.318; Dameshek L.M. Yasachnayapolitikatsarizma v Sibiri v XIX – nachale XX veka. [A fur tribute policy of tsarism in Siberia in the XIXth century -early XXth century.]. Irkutsk, 1983, P. 410; Dulov V.I. Krest'yanstvoVostochnoiSibiri v godypervoirusskoirevolyutsii. [The peasantry of the Eastern Siberia during the first Russian revolution.]. Irkutsk, 1956, P. 217
5. Goryushkin L.M. Agrarnyeotnosheniya v Sibiriperiodaimperializma (1900-1917). [Agricultural relationships in Siberia during the imperialist period (1900-1917).]. Novosibirsk, 1976, P. 371
6. The National Archives of the Republic of Butyatia, archive fund 171, catalog 1, folder 181
7. The State Archive of the Transbaikal region, archive fund 19, catalog 1, folder 292
8. Trudy Aginskoiekspeditsii. [Works of the expedition of Aga.]. Chita, 1911. P.363
9. Ibid. Alsahanov I.A.
10. Ibid. P.211
11. The State Archive of the Transbaikal region, archive fund 1, catalog 3, folder 43
12. Ibid. Tyukavkin V.G.
13. The State Archive of the Transbaikal region, archive fund 19, catalog 1, folder 384
14. Ibid. Alsahanov I.A.
15. The National Archives of the Republic of Butyatia, archive fund 2, catalog 1, folder 878
16. The Russian State Historical Archive, archive fund 1263, catalog 2, folder 5392
17. The State Archive of the Transbaikal region, archive fund 184, catalog 1, folder 3
18. The National Archives of the Republic of Butyatia, archive fund 2, catalog 1, folder 2/1721
19. Ibid. Alsahanov I.A.
20. The National Archives of the Republic of Butyatia, archive fund 129, catalog 1, folder 2204
21. The State Archive of the Transbaikal region, archive fund 19, catalog 1, folder 99
22. The Russian State Historical Archive, archive fund 337, catalog 1, folder 6138
23. The Russian State Historical Archive, archive fund 337, catalog 1, folder 6138

Информация об авторе

Санданов Юрий Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»,
г. Улан-Удэ, Россия
sanny1959@mail.ru

Получена: 29.09.2016

Для цитирования статьи: Санданов Ю. Б., Имущественная и социальная дифференциация забайкальского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 5. Часть 2. с. 82-86.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-82-86.

Information about the author

Yury B. Sandanov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of chair “History of Buryatia”, Federal Buryat State University,

Ulan-Ude, Russia
sanny1959@mail.ru

Received: 29.09.2016

For article citation: Sandanov Yu.B., Imushhestvennaja i social'naja differenciacija zabajkal'skogo krest'janstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Property and social differentiation of transbaikal peasantry in latter half of the XIXth – early XXth centuries]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas.* 2016. Vol . 8. no. 5. Part. 2. Pp. 82-86.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-82-86. (in Russian)